

Copyright © 2015 by Sochi State University

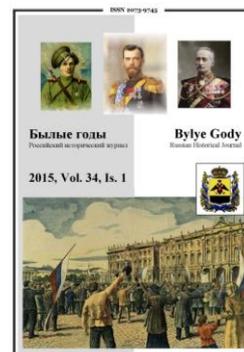
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 55-69, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Peter the Great and Alexander I: Double portrait in the European interior

¹ Dmitrii A. Redin

² Marie-Pierre Rey

¹ Ural Federal University, Russian Federation
Pervomaiskaja street 62, Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075
Dr (History), Head of Department of History of Russia
E-mail : volot@mail.ru

² University Paris-1 Pantheon-Sorbonne, France
1 rue Victor Cousin, 75005 Paris
Professor of Russian and Soviet History
Director of the Research Center in Slavic History

Abstract

The two official visits to Paris made by Russian sovereigns, the first one by Peter I in Spring 1717 and the second one by Alexander I in Spring 1814, have been significant events for the history of Russian-French relations and for European history in general. Each of these trips generated an extensive literature and the circumstances, the origins, the goals, and outcomes of the sovereigns' stay in the French capital are very well documented. The authors proposed to analyze these trips in a comparative and diachronic way, considering that despite their differences in terms of cultural and political contexts, this approach is relevant. Indeed, the article aims at showing that the visits had a common impact: they contributed to reform stereotypes about Russia and Russians in the eyes of French elites and public opinion, and beyond, in European public opinion. During their trips, convincingly demonstrating that Russia belongs to the European space, the two monarchs significantly transformed the perception of their country, so far perceived as a barbaric, tyrannical and potentially dangerous country for Europe. However, at the same time, the authors conclude that the deconstruction of old stereotypes did not lead to their complete eradication. As a result, in European public opinion, emerged a «dual perception» of Russia that is a negative one, going back to late medieval tradition, and a more positive one, associated with the recognition of its belonging to the modern European cultural space.

Keywords: Peter I; 1717; Alexander I; 1814; Paris; France; French-Russian relations XVIII–XIX-th centuries; French-Russian perceptions XVIII–XIX-th centuries; stereotypes; public opinion; Europe; European civilization.

Введение

24 мая (12)¹ 1814 г., будучи в Париже с 31 (19) марта – дня своего вступления во французскую столицу во главе коалиционных войск – император Александр I в сопровождении генерал-губернатора Остен-Сакена нанес визит в Монетный двор [1, р. 77]. Принятый администраторами и королевским комиссаром, он проследовал по залам, посетив, в том числе, Зал чеканки, где в его присутствии изготовили две монеты, золотую и серебряную². В тот же день ему была вручена еще и двухфранковая бронзовая монета, отчеканенная 19 (8) апреля по требованию тогдашнего главы временного правительства Талейрана. Изготовленная в его честь, а так же в честь прусского и

¹ Здесь и далее в скобках даны даты по старому стилю. – *Авт.*

² С клеймом гравера Тиолье.

австрийского суверенов, она была призвана отметить возвращение Франции в большую европейскую семью. На реверсе, общем для всех трех монет, были выбиты три лилии – символ Французской короны, и весьма недвусмысленное изречение на латыни: «Gallia reddita Europae» («Франция возвращается в Европу»). А на аверсе монеты, посвященной царю, подчеркивая и возвышая ключевую роль России в этом возвращении, изображалась большая начальная буква его имени и легенда: «Умиротворителю Европы», тогда как посвященные двум другим суверенам монеты воспроизводя их имена, несли только надпись: «Ангел мира». Для Талейрана, как и для короля Людовика XVIII, особая роль, которую играла Россия, и особенно ее монарх в ключевой момент истории Франции, должна была быть подчеркнута и вписана в коллективную память народа. Когда после визита в Монетный двор царь пешком отправился в Медальный двор, чтобы полюбоваться там на медали, отчеканенные с его портретом¹, который он счел очень похожим, его ожидал оригинальный подарок: медаль с его собственным изображением на одной стороне и портретом Петра Великого – на другой. Свидетели сцены отметили: «Его Величество с чувством смотрел на портрет своего замечательного предка и, казалось, был тронут зрелищем своего образа в соединении с образом сего великого государя» [2, р. 80]. Несомненно, в глазах Александра подобное соединение образов и столь символическая ассоциация его пребывания в Париже с путешествием во Францию, совершенным Петром Великим весной 1717 г., усиливали его престиж и личный триумф.

Материалы и методы

Конечно, два визита русских монархов, разделенных почти столетием, имели много различий. Каждому из них посвящена своя, достаточно обширная литература. Их разделяли обстоятельства, у них был разный политический, дипломатический, общекультурный контекст эпох. Но, как представляется, между ними было что-то общее: помимо чисто политической значимости оба посещения роднила их презентационная направленность; они демонстрировали европейскость России, более того, они явно были нацелены на то, чтобы убедить французские элиты и общественное мнение в этой европейскости.

Удалось ли это? Способствовали ли эти два путешествия изменению образа России в глазах французов? И, если да, то каким способом и в каком плане? Эта совокупность вопросов, на которые данная статья предполагает ответить, позволяет, используя свидетельства современников и историографические оценки, провести компаративно-диахронное исследование, которое, как представляется, может стать продуктивным.

В первой части нашей работы мы обратимся к краткой характеристике того враждебного контекста, в котором разворачивались оба путешествия; к тем негативным образам и стереотипам, которые формировали образ России во Франции в предшествующие века и репродуцировались в дальнейшем, сообразно политическим целям. Во второй части будет предложено сопоставление двух путешествий с особым вниманием к их целям, возможностям и ходу. Наконец, последняя часть станет попыткой оценки политического и символического влияния этих двух визитов.

Обсуждение

I. Унаследованные от прошлого, глубоко укорененные и регулярно репродуцируемые в политических целях негативные образы

1. Образы, унаследованные от далекого прошлого

Накануне путешествия Петра Великого во Францию французский образ России содержал негативные и древние, глубоко укорененные черты.

Вплоть до правления Петра Великого и даже до правления Екатерины II Россия и русские во Франции и во всей Европе имели весьма дурную репутацию². Сложившийся при Иване III, этот негативный образ еще более ухудшился в правлении Ивана Грозного как по причине насилий, вменяемых в вину опричному режиму, установленному царем, так и под влиянием Ливонской войны. Собственно, в этом стереотипном восприятии можно выделить три основных сегмента, или составляющих.

Прежде всего отметим культурную составляющую. Для европейцев, посещавших Россию в XV–XVI вв. (в первую очередь, дипломатов и купцов Ганзейского союза и других германских городов и земель, а также и англичан), эта страна, не знавшая ни Ренессанса, ни гуманистической революции, и нравы которой считались весьма ущербными, не являлась частью Европы. Разумеется, Россия была христианской. В Средние века это было ключевым критерием, определявшим принадлежность к

¹ С клеймом гравера Андрие.

² Этот образ нам хорошо известен, благодаря работам многих историков, в том числе и французских. В этом отношении можно вспомнить труды Мари-Луизы Пеллю, изучавшей политический образ России в европейском общественном мнении XVI в., работы Франсин-Доминик Лиштенан, опубликовавшей ряд статей о восприятии России и ее царей в XVIII в. Однако при том, что политические образы России, ее образа правления и нравов были неплохо охарактеризованы историками, гораздо больше их внимание привлекали культурные, философские и художественные аспекты. В качестве примеров уместно назвать книгу Альбера Лортотали [3], более позднюю монографию Мартена Малиа [4] и перекликающееся с этой последней исследование одного из авторов настоящей статьи, Мари-Пьер Рей [5].

Европе. Но, по мере того, как Средневековье завершалось и происходил переход в нововременное интеллектуальное и моральное состояние XVI века, Россия, в сознании европейских наблюдателей, оказывалась отброшенной на периферию европейской цивилизации. В подтверждение этого замечания можно было бы привести множество примеров, но будет достаточно ограничиться отсылкой к сочинению слывшего знатоком русских дел имперского посла Сигизмунда фон Герберштейна «*Reum moscoviticarum commentarii*» 1549 г., которое оказало большое влияние на создание образа закосневшей в варварстве и бескультуре России.

Вторую составляющую, тоже совершенно негативную, можно охарактеризовать как культурно-политическую. Для многих европейских наблюдателей XVI в. политический режим России (и не только при Иване Грозном) характеризовался как тиранический и репрессивный. В то время, когда в Западной Европе начинало обозначаться некоторое уважение к индивидуальной жизни, Л. Сириус, например, писал по поводу царя: «Он принимал решения об их жизни и имуществе по своей прихоти, без того, чтобы кто-нибудь ему воспротивился; люди убеждали себя, что царь не следует никакой другой воле, кроме воли Божьей, так что если царь ради своей великой свирепости сделал свой народ ожесточенным и диким, то нельзя с полной уверенностью сказать, является ли свирепость этого народа варварством, которое заслуживает подобной тирании, или тирания, от которой он страдает, делает его свирепым» [6, р. 21–22; 7, р. 309–328].

В правление Ивана Грозного представления о России как о варварской и тиранической стране усилились, в том числе, благодаря сообщениям русских эмигрантов, бежавших от опричного режима и находивших пристанище во Львове или Вильно под сенью Польско-Литовского государства. Большую роль в этом процессе, безусловно, сыграли и западные памфлеты, живописавшие страшные жестокости и опустошения, совершенные русскими в Ливонии в ходе войны; они окончательно ухудшили образ русского царя, представлявшегося безжалостным и способным на все чудовищем. В силу последнего к негативному образу России добавилась третья составляющая: возникла идея о том, что эта страна опасна для самих европейцев, что ее надо держать на удалении от Европы и во что бы то ни стало сдерживать ее экспансию на Запад.

Эти три составляющие образа России в их комбинации, а именно: варварская страна, тиранический образ правления и опасная для Европы держава, сохранялись на протяжении последующего времени, в том числе в течение XVII–XVIII веков и широко использовались французской дипломатией в зависимости от текущей политической конъюнктуры.

2. Образы, широко используемые в политических целях

Фактически, эти представления о России, которые не питались никаким прямым контактом между французами и русскими, но строились на посредничестве литературных и дипломатических текстов, в зависимости от текущего момента актуализировались или «приглушались» согласно французским геополитическим и дипломатическим императивам. В правление Людовика XIV эти негативные образы оставались очень распространенными, да и повзрослевший Людовик XV тоже внес свой вклад в развитие темы «варварской» России, которую следует держать подальше от европейских дел [8, р. 98; 9]. Подобная точка зрения была, впрочем, не уникальной: Фридрих Прусский, так же всецело опасавшийся русских, воспринимал их как «скопище варваров» и «жестоких убийц» [10, р. 64].

Впоследствии, отнюдь не исчезнув, эти враждебные штампы пришли к двору целям пропаганды, а наполеоновский период добавил свою лепту в тему опасной и варварской России. С 1804 г. Наполеон подхватил идею, что после «завещания» Петра Великого (фактически фальшивки, сфабрикованной французской дипломатией на основе польского текста) [11; 12], русские вынашивали макиавелловский план мировой экспансии: это оправдывало вступление Франции в войну против России. Параллельно, император французов без колебаний принялся играть с ужасающим образом отсталой и примитивной страны: в январе 1807 г., рассуждая о русских, он упоминал о «тучах фанатиков и варваров», покушающихся на «цивилизованную Европу» [13].

Тильзит умерил эту критику, но накануне русского похода Наполеоном снова стали поощряться русофобские публикации. В этом ключе можно вспомнить анонимную публикацию 1812 г. под названием «Завоевания русской державы от ее зарождения до начала XIX в.» (Париж, 1812) [14]. Составленная историком и публицистом Шарлем Луи Лезюром, используемом тогда Талейраном в министерстве внешних сношений, книга стала сильным выстрелом в сторону России. Начиная с введения, Лезюр апеллировал к «доброму гению Европы», чтобы пресечь «опасный подъем этой новой Европы»; он заново поднимал тему опасной державы, которую во что бы то ни стало следует остановить в развитии, ибо «как только она появляется в Европе, то с намерением там доминировать» [15, р. 461]. Наконец, на протяжении многих страниц он неустанно твердил о варварстве русского народа: «... русский народ реально не использует ни свои несчастья, ни свои успехи, ни свои беспорядки, ни свои завоевания; ему осталась от достигнутого господства, от уроков, что он получил и от усилий, предпринятых им самим только грубость дикого человека в сочетании с пороками человека коррумпированного» [16, р. 457].

Как видно, образ России во Франции длительное время страдал от стереотипных представлений, которые, будучи унаследованы от клише, сложившихся еще в XV–XVI столетиях, прoderжались много дольше и были использованы в интересах французской дипломатии. Как могли

в таком враждебном контексте проходить путешествия, последовательно совершенные Петром Великим в 1717 г. и Александром I в 1814 г., которые создавали прямые контакты между, с одной стороны, русским сувереном и, с другой стороны, французскими элитами и общественным мнением, и какие реакции вызывали они среди населения?

II. Путешествия Петра Великого и Александра I: очевидные различия и глубокое сходство

Пребывания во Франции двух русских суверенов стали поводом (и это весьма показательно) для множества сочинений¹: газетных статей, литературы, сочиненной «по случаю» для их прославления (од, песен и т.п.) и различных свидетельств (писем, воспоминаний и мемуаров современников, бывших приближенными к монархам); все они позволяют не только восстановить ход путешествий, совершенных обоими государями, но, более того, очертить их природу и значение.

1. Принципиальное различие контекстов и сходство целей путешествий

Когда весной 1717 г. Петр Великий дал знать регенту, герцогу Орлеанскому, о своем намерении посетить Францию, казалось, что он вернулся к проекту, намеченному восемнадцатью годами ранее. С 1697 г., прежде чем отправится в Голландию в составе Великого посольства, Петр извещал о своем желании приехать во Францию и нанести визит Людовику XIV, но натолкнулся на отказ последнего и, согласно Сен-Симону, был уязвлен тем, что король учтиво отклонил этот визит, которым никак не хотел обременять себя [24, р. 484]. А двумя годами позже, в 1699 г., когда царь снова проявил склонность совершить этот вояж, слабо воодушевленная этим стремлением французская дипломатия вновь не допустила его осуществления.

Ситуация стала меняться в начале XVIII в., когда Европа оказалась ввергнутой почти одновременно в два крупных военных конфликта: войну за испанское наследство и Северную войну. На этом фоне стареющий Людовик XIV считал целесообразным вспомнить о настойчивых притязаниях «царя московитов» и отправил к нему чрезвычайного посланника де Балюза. Из инструкции, полученной дипломатом от короля 9 октября (28 сентября) 1702 г., явствует, что последний рассчитывал на военную помощь России против Империи («диверсия в Трансильвании» силами казачьего отряда) и денежный заем [25, с. 411–412]. Надо было слишком плохо представлять положение, в котором в это время находился потенциальный союзник, чтобы строить подобные расчеты. Миссия де Балюза оказалась краткосрочной и, в общем-то, провальной. Уже в середине лета следующего года «король-Солнце» отправил из Версаля письмо, отзывавшее чрезвычайного посланника [26, с. 414–415]. Действительно, положение России было столь плачевным – и тогда и в последующем – что еще в сентябре 1708 г. осторожный Чарльз Уитворт, чрезвычайный посланник Англии в России, не рекомендовал английским негодантам, связанным с русской торговлей, выдавать русским купцам длинных кредитов, полагая, что это влечет риск их невозвратов в случае скорого разгрома армии Петра [27, с. 44–45].

Но вскоре произошли события, в которые трудно было поверить: в результате сражения при Полтаве и Переволочной шведская армия оказалась уничтоженной. Петр в одночасье стал не просто хозяином положения на театре военных действий – это меняло расстановку сил в Северо-Восточной Европе в целом и делало русского монарха влиятельной фигурой в общеевропейском политическом балансе, побуждая французского короля вторично проявить интерес к русским делам. В этой связи в Россию вторично отправили де Балюза (1710 г.), предписав ему провести с царем переговоры более масштабного, чем прежде, характера. Так, от имени своего суверена, дипломат должен был предложить французское посредничество в заключении русско-шведского мирного договора. Франция обещала взять на себя роль гаранта русских завоеваний в Прибалтике и установить русско-французскую торговлю через балтийские порты. Рассчитывая, в свою очередь, на посредничество России в отношениях Франции и ее противников в войне за испанское наследство, Людовик XIV не оставлял старой идеи о нанесении вреда австрийцам и предписывал своему посланнику намекнуть Петру о возможности сделать его наследника, царевича Алексея, королем Венгрии [28, с. 426, 432; 29, с. 75].

Не комментируя детали, важно подчеркнуть, что Петр в целом очень серьезно воспринял упомянутые дипломатические жесты Франции. И хотя крайне сложная международная обстановка не позволила ему решиться на заключение союза с Версалем (достаточно вспомнить, что в 1711 г. началась война с Турцией, закончившаяся поражением русской армии в т.н. Прутском походе, и необходимость виртуозного лавирования по воссозданию антишведской коалиции и соблюдения баланса интересов с морскими державами – Англией и Нидерландами), интерес русского монарха к одной из сильнейших мировых держав не ослабевал, тем более, что в отличие от ситуации конца XVII в. интерес этот стал обоюдным.

¹ Об откликах на путешествие Петра Великого см. различные французские и русские сочинения, современные событию [17; 18; 19]; для уточнения его хронологии имеет значение работа Б. Лосского [20]; наиболее подробный обзор откликов современников на пребывание Петра в Париже имеется в монографии С. А. Мезина [21]. О реакции на визит Александра I, кроме уже упоминавшейся «Александрианы», можно назвать «Загробные мемуары Шатобриана» [22] и отличающиеся большей точностью мемуары графини де Буань [23]

По сути, с этой, сформулированной французской стороной и в целом выгодной для России повесткой, Петр и отправился во Францию, когда для того представилась возможность – в 1717 г. Разумеется, этот визит очень отличался от европейского вояжа 1697 г. по целому ряду характерных черт. Прежде всего, изменился сам Петр. Вместо юноши, мало искушенного не только в хитросплетениях международной политики, но и в элементарных нормах европейского дипломатического и придворного этикета, границу Французского королевства пересекал сорокапятилетний человек, опытный политик и полководец, переживавший один из своих звездных часов. Пользуясь преимуществом победителя сильнейшего противника (а к лаврам Полтавы к этому времени добавились лавры Гангута), Петру удалось восстановить антишведскую коалицию и возглавить ее. Как ни сильны были внутренние противоречия между участниками этого альянса, подобный статус, несомненно, усиливал значение русского монарха в глазах европейских государей. За год до вояжа во Францию, Петр попытался материализовать полученный политический капитал, усиленно склоняя датских союзников к организации десанта в область Сконе на юге Швеции. Одновременно с этим государь поддержал английскую инициативу по охране торговых судов на Балтике от действий шведских каперов. И пусть идея десанта повалилась, а идея охраны балтийской торговли питалась разными подспудными мотивами стран-участниц, все-таки к лету 1716 г. Петр сумел создать собственную сильную морскую группировку в территориальных водах Дании и возглавить по решению союзников соединенный флот четырех держав: России, Англии Дании и Нидерландов [30, с. 97; 31, с. 135]. Каковы бы ни были результаты этой военно-морской демонстрации силы и единства, все эти обстоятельства усиливали, говоря современным языком, переговорные позиции царя.

Повестка будущих переговоров с руководством Французской короны в своей политической части, как уже отмечалось выше, в основных чертах совпадала с той, что предлагалась ранее Людовиком XIV. И сам Петр, и его советники-дипломаты, посол князь Б. И. Куракин и вице-канцлер барон П. П. Шафиров вполне разделяли идею о том, что Франция могла бы быть полезна России в качестве гаранта признания русских завоеваний в Прибалтике в обмен на гарантию российской поддержки Утрехтского и Баденского договоров. Это сближение с Версалем, помимо прочего, стимулировалось стремительно ухудшающимися отношениями с Англией. «Взаимная дружба и верный союз, для скрепления и обоснования которого будет заключен оборонительный союз ради обеспечения Утрехтского и Баденского договоров, равно как и Франция гарантирует завоевания, которые царь совершил над Швецией, за что Швеция отнюдь не получит возмещения ни в деньгах, ни в войсках, ни прямо, ни косвенно»¹, – так формулировала эту главную тему русская сторона. Но в преддверии визита 1717 г. Петр усилил политическую повестку предложением династического брака своей дочери Елизаветы и маленького французского короля – семилетнего Людовика XV. Если добавить к этому расчет на установление прочных торговых связей, то можно сказать, что русский суверен готовил полноценный союзнический договор с Францией, который грозил изменить существовавший геополитический баланс. Ведь Франция оставалась связана старым договором со Швецией, а стремительное сближение с Россией объективно бросало вызов как Англии, так и Австрии.

К этим дипломатическим соображениям добавились другие, равно как политические, так и культурные: занимаясь в 1717 г. модернизацией Русского государства, Петр хотел непосредственно ознакомиться с организацией и функционированием крупных административных, научных, технических и культурных учреждений, которые обеспечили могущество Франции, дабы увлечь этими примерами своих подданных и «привить» полезные новшества в России. Наконец, он хотел также побывать в Версале, которым он вдохновился тремя годами ранее, предпринимая строительство своего дворца в Петергофе.

Как видим, цели Петра были разнообразными, но все они подчинялись одной идее: Россия, как восходящая держава, должна была для обретения статуса великой державы обрести себе геополитического союзника и, в то же время, «приобщиться к цивилизации», набираясь европейских обычаев и демонстрируя свою «европейскость». И в этой перспективе привилегированные отношения и даже союз с Францией короля-Солнце и его наследника мог стать несомненным козырем.

Столетие спустя, обстоятельства, которые привели Александра I на французскую землю, были совершенно иными. В 1814 г. царь прибыл во Францию не как гость французского государства, не как путешественник, желающий познать «город-мир» (как называли тогда французскую столицу), но как победитель, который во главе широкой европейской коалиции сыграл определяющую роль в военном поражении Наполеона и готовящийся играть не менее важную роль в геополитическом и политическом будущем Франции. В плане решения этих тонких вопросов Александр имел весьма ясные идеи и цели. В геополитическом смысле речь для него шла о том, чтобы убедить союзников в необходимости завершения войны милостивым для Франции миром; в этом ему виделась единственная гарантия длительного мира для старого континента в целом. Франция должна была оставаться сильной; слишком ослабленная и территориально урезанная Франция стала бы в дальнейшем не способной служить противовесом Австрийской и Британской державам и принцип

¹ Отчет о франко-русских переговорах 18 (7) мая 1717 г. в письме графа де Тессе от 19 (8) мая [32].

равновесия оказался бы под угрозой. Его желание пощадить Францию, выраженное с момента прибытия в Париж проведением весьма четкого различия между «виновностью Наполеона» и «невинностью французского народа»¹, усиливалось личным интересом к сближению двух династий. Так же как до него Петр, Александр предусматривал возможность матримониального союза: т.о., летом 1814 г. встанет вопрос о проекте брака между Анной, его младшей сестрой, и наследником трона Бурбонов герцогом Беррийским [34].

В политическом плане у Александра также были очень четкие идеи: с 1805 г. он высказывался в пользу либеральных институтов для Франции [35], и в 1814 г. он оставался верен этому походу. Этот выбор объяснялся его искренними либеральными убеждениями, которые он унаследовал от своего наставника швейцарца Лагарпа, но может быть в еще большей степени, благодаря собственному анализу положения Франции. В его глазах радикальный возврат к абсолютной монархии, которая стремилась бы затмить достижения двадцати пяти лет, последовавших за крахом «старого порядка», неумолимо вылился бы в революционные волнения и даже в гражданскую войну, способную привести к новым беспорядкам в Европе.

Отправляясь во Францию, Александр, т.о., планировал обеспечить не только длительную безопасность Российской империи, окончательно покончив с наполеоновской угрозой, но еще и повлиять на судьбу Франции, равно как и на судьбу Европейского континента в целом. Но он предусматривал и другие, не столь декларируемые цели: являя свою волю вступить в Париж в качестве великодушного и благородного победителя, он имел в виду и то, чтобы публично продемонстрировать европейскость России и тем самым опровергнуть наполеоновскую пропаганду, непрестанно изображавшую его «северным варваром» во главе «азиатской империи», которую следовало держать подальше. И с этой точки зрения его мотивации во многом совпадали с мотивациями его знаменитого предшественника.

2. Ход путешествий

Прибыв во Францию через портовый Дюнкерк, портовые сооружения которого он посетил 21 апреля (10) 1717 г. и проследовав вместе с многочисленной свитой, состоявшей из 61 персоны, через Кале, Петр сразу показал себя человеком, хотя и стремящимся рассмотреть все на своем пути, но очень спешащим добраться до Парижа [36; 37]. Предоставленные ему комфортабельные, но, на его взгляд, слишком медлительные экипажи («берлины»), царь поменял на простые почтовые кареты. Равным образом, его простые вкусы и стремление не привлекать любопытство французов по пути следования, побудили его отказаться от апартаментов в епископских дворцах Амьена и Бове, которые были отведены для него, и избегать официальных приемов, чтобы скорее добраться до столицы. Он приехал туда вечером 7 мая (26 апреля), но полагая Лувр слишком помпезным и чрезмерно иллюминированным, он отказался там разместиться, предпочтя квартировать в «частном доме», в особняке Лесдигьеров. Столетие спустя, Александр I также из соображений простоты откажется «расслабиться на диванах Тюильри» и, вступив в Париж, выскажется в пользу частного дома князя Талейрана, где будет оставаться до середины апреля, пока не обоснуется на вторую часть своего пребывания во дворце Елисей-Бурбон.

В течение 43 дней, проведенных в Париже, Петр непрестанно осматривал столицу, ее самые знаменитые места (Королевскую площадь, дворец Побед, Вандомскую площадь), равно как и ее памятники; он посетил Лувр, дворец Инвалидов, Люксембургский дворец, Тюильри, а в окрестностях Парижа посетил в Сен-Клу, Исси, Медон, Версаль, где побывал несколько раз (тогда как двор уже не находился там) и Марли. Он проявил себя открытым, чувствительным к архитектуре и искусству, восхищался красотой садов Версаля, но его истинный интерес устремлялся к научным и техническим институтам. Он посетил мануфактуру Гобеленов, мануфактуру зеркальных стекол в Сент-Антуанском предместье, несколько мастерских по изготовлению геодезических измерительных инструментов и глобусов и трижды² побывал в Обсерватории ради встреч с Жаном-Домиником Кассини и его учеником Жозефом-Николя Делилем. Его широкий взгляд не ограничивался астрономией: в Берси он с удовольствием посетил физический кабинет Луи Леона Пайо, графа д'Онс-ан-Бре. Во время своего пребывания он встречался, среди прочих, с о. Себастьяном, физиком и математиком, физиком Реомюром, картографом Гийомом Делилем; 14 (3) июня он посетил Сорбонну, где склонился перед бюстом Ришелье, а 19 (8) июня присутствовал на торжественном заседании Академии наук по приглашению аббата Биньона, ее президента.

В политическом плане царь множил символические жесты: 11 мая (30 апреля), когда малолетний король прибыл к нему с приветствием, Петр, вразрез со всяким этикетом, обнял и многократно расцеловал его. На следующий день во время ответного визита он повторил этот жест, как бы освобождаясь и освобождая короля-ребенка от всех условностей. Решительно мало

¹ Принимая представителей французских властей, император высказался так: «Справедливая оборона привела [меня] сюда, но я далек от желания воздать Франции злом за то зло, что претерпел. Я справедлив и я знаю, что в нем нет вины французов. Французы – мои друзья, и я хочу доказать им, что пришел воздать добром за зло. Наполеон – мой единственный враг». Цит. по русскому изданию [33, с. 295].

² 12, 19 мая и 17 июня (1, 8 мая и 6 июня) 1717 г.

сдержанный в своих деяниях и жестах, царь дошел даже до того, чтобы потребовать встречи с мадам Ментенон, к тому времени восьмидесятидвухлетней и жившей в уединении.

Открытый уму и знанию, Петр проявил себя гораздо индифферентнее, порой – пренебрежительнее в отношении придворной жизни и правил поведения, унаследованным от эпохи Людовика XIV. Царь, как правило, стремился сокращать светские развлечения или вовсе избегал их; он почти не оценил псовую охоту, с которой познакомился в лесу Фонтенбло; проявил себя скорее скупым по отношению к встреченным нищим; лишь один раз побывал в опере; в Фонтенбло он напился до того, что не мог стоять на ногах, а однажды ночью, в Версаль, в бывшие апартаменты мадам де Ментенон он привез «женщин и девиц, привыкших щедро отдаваться тому, кто пожелает их отвесть» [38]. Иначе говоря, царь всякий раз и поражал, и шокировал, и очаровывал как своим умом и пылкостью, так и своим антиконформизмом. Это сразу стало любимым сюжетом широкого творчества парижан: песни, медали, народные гравюры, предназначенные для альманахов 1718 г. [39, p. 162] стали эхом этого, весьма неординарного визита.

Столетие спустя вслед за этим вояжем, Александр I сделал, в свою очередь, новый вклад в трансформацию образа России и русских. Александр, как до него Петр, при всех обстоятельствах проявлял и даже афишировал скромность и простоту, резко отличавшиеся от наполеоновского блеска. Но в отличие от своего предшественника он публично демонстрировал свое религиозное рвение, устроив, например, празднование Пасхи на площади согласия, на том самом месте, где был гильотинирован Людовик XVI, «*Te Deum*» в знак коллективного искупления. Он осмотрел достопримечательности и памятники столицы, которые уже вызывали восхищение Петра и, как его предок, доставил себе удовольствие посещением Версаля и Трианона. Однако, воспитанный в любви к французской культуре своей бабкой Екатериной, он уделил большее, чем его предшественник, внимание художественной и культурной сферам: разумеется, он тоже встречался с учеными, но во Французской академии, а не в Академии наук. Он нанес туда визит 21 (9) апреля, чтобы присутствовать на торжественном заседании. В течение двух месяцев, проведенных в Париже, Александр часто бывал в театре, равно как и в опере, и осматривал музеи. Посещая коллекцию Лувра, он восхищался шедеврами, собранными Наполеоном во время его завоеваний, но увидев пьедесталы, лишённые статуй, был раздражен этим. Именно Александр при обсуждении статей первого Парижского договора, не касавшихся территориальных вопросов, будет добиваться и добьется того, чтобы произведения искусств, доставленные в парижские музеи в качестве наполеоновских трофеев, оставались там и впредь, ради большей доступности и открытости, чем где-либо в другом месте.

Император посетил Национальную типографию, Монетный двор, несколько мастерских художников, покупал картины и скульптуры, позировал Жерару и заказал ему несколько полотен. Встречался с писателями, бывшими тогда на первом плане: мадам де Сталь, Бенджаменом Констаном, Шатобрианом и графиней де Буань; принимал за своим столом аббата Сикара, директора Института глухонемых, работы которого знала и ценила его мать, императрица Мария Федоровна; он побывал во дворце Инвалидов и, в противовес более экономному, если не скупому Петру Великому, раздавал щедрую милостыню беднякам из приходов. Побывал он во многих госпиталях, что вызывало беспокойство приближенных, слабо поощрявших эти инициативы. Записка его бывшего наставника Лагарпа, присоединившегося к нему в Париже, предупреждала его в апреле: «Сир, поскольку Ваше императорское величество посещает больницы, считаю своим долгом предупредить, что госпиталь Скорбящей Матери напротив Ботанического сада содержит больных, зараженных разновидностью чумы, именуемой тифом» [40, p. 211].

После встречи с Марией-Луизой в Рамбуи он сблизился с семейством Богарне и неоднократно посещал Жозефину в ее замке Мальмезон. Можно ли усмотреть в этих странных визитах к низвергнутой императрице эхо визита, который Петр нанес мадам де Ментенон, когда последняя уже не обладала ни влиянием, ни властью? Как бы то ни было, внезапная смерть Жозефины 29 (17) мая расстроила его. И хотя он не присутствовал на похоронах, но распорядился о представительстве и, не без элегантности, приказал казачьему эскадрону своей гвардии в парадной форме сопровождать гроб «от замка до церкви и воздать ей почести, кои в иные времена она получила бы от французской императорской гвардии» [41, p. 219].

Спустя два года, в 1816 г., 38 картин, а также скульптуры, в т.ч. 4 – Кановы, покинут Мальмезон ради Санкт-Петербурга: Александр I оценил их красоту, созерцая в обществе Жозефины и зная их подлинную цену. Но он щедро оплатил их, чтобы в такой деликатной манере поддержать финансовое благополучие Гортензии и Евгения Богарне, владельцев произведений...

Наконец, в столь непохожем на Петра стиле, Александр явно ценил контакты с парижской элитой и с удовольствием вел светскую жизнь, хотя при этом уделял не меньшее, если не большее внимание политике. В отличие от Петра I, который оставлял своим советникам заботу вести от его имени дискуссии с Францией, он лично и очень активно участвовал в переговорах, определявших геополитическое будущее Франции и Европы. Наряду с Талейраном и Коленкурром он был главной пружиной договора Фонтенбло и в последующие недели сыграл ведущую роль в подготовке первого Парижского договора.

Тем не менее, несмотря на различия контекста и стиля поведения двух монархов, пребывание в Париже стало для Петра Великого, как и для Александра I важным моментом в истории русской

дипломатии и установлении связей России с внешним миром. Но как были восприняты оба путешествия французами? Каким было их влияние во Франции и какую память они оставили по себе? Именно это мы рассмотрим подробнее ниже.

III. Политическое влияние и резонанс во французском воображаемом

С момента прибытия во Францию, а тем более в Париж, оба суверена вызвали среди элит, равно как и среди народа огромное любопытство. Несомненно, открывая для себя русских суверенов и их сопровождающих, французы подпадали под определенное обаяние и ощущали переворот в своих представлениях о России. Насколько глубоко были эти трансформации? Насколько способствовали эти непосредственные контакты изменению образов варварства и тирании, восприятия России как угрозы для Европейского континента?

1. Между любопытством и обаянием: переворот в привычных представлениях французов; развивающиеся образы

После прибытия на французскую землю Петр Великий захватывает, шокирует, восхищает и соблазняет. Он привлекал, прежде всего, своим ростом и, отчасти, своеобразной манерой одеваться. В своем дневнике граф Тессе пишет так: «Царь был одет очень просто, в грубоватый суконный балахон, совершенно черный, с камзолом из серой шерстяной ткани, пуговицы на котором были алмазными, без галстука и манжет, без кружев на рукавах сорочки, с коричневым париком на испанский манер, который он велел подрезать сзади, потому что он казался ему слишком длинен, и не был напудрен» [42].

Поражал Петр, как уже упоминалось, своим пренебрежением к обычаям и презрением к этикету; он почти не затруднял себя политесом по отношению к придворным дамам, хотя те, тем не менее, спешили встретиться с ним. Но еще более русский царь шокировал своим вкусом алкоголя, который поглощал в больших количествах. Либуа, встречавший царя от имени регента в Дюнкерке, писал в одном из своих писем: «Царь поднимается утром, завтракает в 10, ужинает в 7 и возвращается к 9. Перед едой он пьет ликеры, пиво и вино после полудня, ужинает скромно, а иной раз совсем отказывается и ложится до 9. Ест все наши блюда и пьет наши вина, кроме шампанского» [43]. Это свидетельство не единично. Сен-Симон продолжает в том же духе, описывая излишества этого гиганта, весьма непочтительного к условностям: «То, что он выпивал и съедал на двух обычных приемах пищи – невероятно, не считая выпитого им пива, лимонада и других напитков между застольями... бутылка или две пива, столько же, а иной раз больше – вина, ликерные вина после, а в конце застолья особые водки, полпинты, а иной раз пинту. Это было едва ли не обычным делом при каждом застолье» [44, р. 139].

Неумеренность в потреблении алкоголя, непритязательность в одежде, скромные потребности, дававшие многим современникам-французам основания обвинить царя в скупости – все это хорошо ложилось на давние представления европейцев о «варварской» России и объяснялось «варварским» воспитанием и окружением самого Петра. Это же восприятие усиливалось впечатлением от странного посещения русским монархом мадам Ментенон: визитом любопытства, коротким и плохо соответствующим понятиям этикета¹. Кому было дело до того, что в действительности Петр, наверное, выпивал меньше, чем обычно – во всяком случае, приступы разнообразных хронических заболеваний поневоле принуждали его сдерживаться². Или, что «скупость» государя была обусловлена лишь наивной попыткой сохранять инкогнито (по окончании визита он вознаградил всех, причастных к организации его пребывания в Париже с настоящей царской щедростью) [47, р. 108], а ночевки в гардеробной дома Лесдигьеров на походной кровати – давней и известной фобией больших спален. Общественное мнение французов (как и любое другое общественное мнение) не стремилось к пониманию тех или иных бытовых привычек диковинного гостя, а лишь по-своему их объясняло, довольствуясь первыми впечатлениями и, в этом смысле, находя новые подтверждения старинным предрассудкам.

Но впоследствии появились более существенные и более взвешенные наблюдения. 17 (6) июня 1717 г. в письме герцогу Сент-Эньяну маркиз де Лувиль с восхищением аттестовал страсть царя к науке, технике и прикладным искусствам: «Он знает много и во Франции нет человека столь же искусного как он ни в морском деле, ни в военном, ни в фортификации», и далее: «он любит все ремесла и ненавидит роскошь» [48, р. 237–238]. А этому известию мы обязаны Сен-Симону: «Все выказывает в нем широту просвещенности и что-то непрерывно последовательное. Он в совершенно захватывающей манере сочетает высшее, самое гордое, самое тонкое, самое выдержанное и, в то же время, меньше всего стесняющее величие, когда он его устанавливал во всей своей

¹ М. П. Полуденский, автор статьи о парижской поездке Петра I, заметил, что «в Сорбонне он (царь. – Авт.) оказал больше внимания статуе Ришелье, чем живой Ментенон» [45, с. 374].

² Мучимый частыми геморроидальными обострениями и периодической «лихорадкой», Петр именно в это время начинает лечиться минеральными водами, сначала в Германии, в Бад-Пирмонте (май-июнь 1716 г.), а позже – во Франции, в Спа (июнь 1717 г.). Очень скупо описывая в письмах к жене впечатления о своих посещениях разнообразных достопримечательностей и о встречах с различными политиками и учеными, царь охотно говорит о своих болезнях и сетует на вынужденное воздержание, в том числе и в потреблении водки («крепша», как он называет ее в своих частных посланиях) [46, с. 46–47, 57, 59, 60, 65, 66–67, 69, 72].

уверенности, с учтивостью, которая проявлялась всегда и со всеми, и властный повсюду, но имеющий степени, сообразно персоне. Он обладал некоторой фамильярностью, проистекавшей от свободы; но он не был избавлен от сильного отпечатка того старинного варварства своей страны, которое придавало всем его манерам живость, даже пылкость его прихотям, без желания встречать ограничения или возражения в чем-либо» [49, р. 138]. В итоге Сен-Симон заключает, что Франция единодушно «смотрела на него как на чудо, которым она останется очарована» [50, р. 150].

Т.о., очевидно, что Петр Великий с момента прибытия вызывал реакции, в которых смешивались удивление, возмущение и пленение поведением, которое воспринималось как живописное и даже экзотическое. И если Петр преуспел в демонстрации своего интереса к науке, культуре и ремеслам (за это он будет избран членом французской академии в декабре 1717 г.), если он очаровывал французов своими познаниями, врожденным благородством и непосредственностью и, тем самым, дезавуировал образ тирана, то ряд его поступков, расцененных как непростительно эксцентричные, стоил ему обвинения в «варварстве».

Такая двойственность восприятия царя свидетелями его визита в Париж породила аналогичную двойственность в позднейшей историографии. От почти восторженного мнения о том, что вояж Петра в столицу Французского королевства произвел «настоящий фурор во французском обществе» [51, с. 19] до почти приговора: «неудача политическая сопровождалась личным провалом» [52, р. 20]. Впрочем, как заметил С.А. Мезин, автор специального и, пожалуй, одного из лучших исследований по формированию образа Петра Великого в общественном мнении и исторической памяти Франции XVIII в., [53] подсчет сторонников и противников царя едва ли имеет смысл. Главное – и в этом мы можем полностью солидаризоваться с коллегой – это то, что пребывание Петра в Париже не только начало разрушать клише о России, но и заложило мощную литературную традицию, «русскую тему» в творчестве французских интеллектуалов, определявшую гораздо более благоприятное, хотя и не столь однозначное в исторической перспективе и по-иному стереотипное восприятие Петра I, а через него – и подвластной ему страны. Именно это событие стало стимулом для создания во Франции и шире – в Европе, образа «героя-демиурга», «создателя нового народа», чье «прилежание и трудолюбие, – по словам французского посланника при русском дворе Ж.-Ж. Кампредона, – превосходит обычный уровень человеческих сил» [54, с. 145]. Эти слова, написанные в последние годы жизни царя, спустя несколько лет после его посещения Франции, найдут свое развернутое и целостное воплощение в 1725 г., в «Похвальном слове царю Петру I» под пером секретаря Парижской академии Фонтенеля, бывшего соучастником монаршего пребывания во французской столице. Они послужат основой дальнейшему «отверждению мифа» (пользуясь выражением Энтони Кросса) о творце новой России в последующих сочинениях французских авторов XVIII столетия и окажут влияние на английскую традицию [55, с. 105–106], имевшую собственные воспоминания о личности Петра, восходящие к его пребыванию в Англии в еще более далеком 1698 г. Надо ли говорить, насколько подобные трансформации были созвучны настроениям вестернизированного окружения самого царя, неумолимо создававшего описание современности в жанре исторических сочинений [56, с. 43–51], конструировавших тот же миф в духе, по выражению Ю. М. Лотмана, «светской религии государственности» [57, с. 40].

В этом отношении с пребыванием Александра I в Париже все изменится. Когда Александр I готовился вступить в Париж, страхи парижан были еще живы. В ходе только-только завершённой французской кампании люди были свидетелями многих казачьих бесчинств, а царские войска уподоблялись варварским чудовищам, сеющим повсюду ужас [58, с. 55–68]. Население боялось, как бы столица не была предана огню и крови, а Шатобриан, будучи монархистом, разделяя это беспокойство и подавленность, охватившее парижан: «Я вижу [русских] дефилирующих по бульварам, ошеломленный и уничтоженный внутренне, как если бы у меня отняли мое французское имя и заменили его номером, под которым мне отныне придется быть известным в рудниках Сибири» [59].

Но очень скоро любезность царя и его свиты, его великодушные заявления, приветливость, которую он доказывал, теша национальную гордость французов, наконец, соблазны, которые он применял по отношению к элитам – все способствовало формированию образа, который мог лишь успокоить парижан. Этот образ подкреплялся поведением войск, сопровождавших его в столице. Разумеется, при своем вступлении в Париж казаки внушали ужас. Их высокий рост, импозантные усы, вытаращенные глаза, смуглая кожа и еще больше их форма, широкие шаровары, подбитые мехом куртки, равно как и их оружие: длинные, более чем трехметровые пики и сабли всегда наголо – все в них ошеломляло столичных обывателей.

Но вскоре их поведение – они тут же готовили пищу, чинили одежду, развлекались песнями и плясками, купали лошадей в Сене – очаровало, тогда как их добродушие, в целом внушающее полное доверие, было забавным для парижан: «посещение бивуаков» стало популярной семейной прогулкой по воскресеньям... В своем дневнике Пьер-Франсуа-Леон Фонтен, один из архитекторов Наполеона, удивлялся мирной и даже детской атмосфере, охватившей улицы столицы: «Я был далек от того, чтобы думать, что столица империи, которая 10 лет заставляла трепетать всю Европу, была отдана в манере столь необычайной, после неравной битвы, когда хотели ввести в бой городскую стражу и школьничков. Я был весьма далек от мысли, что победившая армия, составленная из 20 народов и

большого числа диких орд, которым был обещан грабеж, овладела Парижем без насилия, без малейших бесчинств. Кто бы мог поверить, что столь крупное событие имело бы вид праздника и не очень нарушало бы общественный порядок»? [60, р. 385–386]

В результате, многие свидетельства пополнились восхищенными отзывами о франкофилии и франкофонии русских войск, а в глазах французских элит (что нашло отражение в их сочинениях) русские больше не выглядели варварами, но стали носителями благородства и величия, достойных европейской цивилизации.

Т.о., как видно, оба путешествия способствовали, каждое в разной степени, заметной эволюции образов и представлений. Но как эти перемены сказывались в политическом и геополитическом плане? Были ли достигнуты цели обоих суверенов, стремившихся добиться сближения с Францией?

2. Неустойчивые политические результаты

Успешный в том, что касалось образов и представлений, вояж Петра Великого весной 1717 г. не имел немедленного политического эффекта. Конечно, двусторонние переговоры состоялись, проект предложенного Россией союза был обсужден регентом с его дипломатическими советниками, но, с одной стороны, он (регент) колебался относительно вступления в особый военный альянс с Россией, чтобы не навредить союзу Франции со Швецией, тогда еще действующему. Что касается Пруссии, союзницы Франции по оборонительному договору, заключенному годом ранее и тоже запрошенной относительно проекта франко-русско-прусского альянса, то она проявила еще большую сдержанность. Из-за этих проволочек и колебаний вышло так, что никакого текста до отъезда Петра подписано не было, и пришлось ждать 4 (24 июля) 1717 г., чтобы обе стороны смогли сблизиться в Амстердамском договоре. Заключенный между Францией, Пруссией и Россией, этот последний устанавливал между тремя государствами союз, имевший целью гарантировать Утрехтский и Баденский договоры, признавал де-факто русские завоевания на Балтийском море, а также позволял России добиться усиления влияния на международной арене. Однако проект брака малолетнего короля с царской дочерью воплотить не удалось; французская дипломатия предпочла отказаться от этого проекта, плох воспринимая Британию. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что при всей заманчивости такого союза он отдавал мезальянсом, учитывая низкое происхождение матери царевны и добрачное рождение предполагаемой невесты Людовика.

В этом смысле геополитический итог вояжа Александра I тоже окажется контрастным. Разумеется, налицо были очевидные успехи: настойчивость и сила убеждения, проявленные Александром в пользу установления конституции, преодолели колебания Людовика XVIII и последний согласился на предоставление Конституционной хартии своим подданным. Равным образом царь, сделавшийся адвокатом французских интересов перед своими союзниками, добился крупных уступок в пользу Франции Бурбонов – уступок, эхом которых стал Парижский договор в мае 1814 г. Но зато матримониальный союз, к которому стремился Александр, в свою очередь провалился; несмотря на всю энергию, отданную этому проекту Карлом Поццо ди Борго, первым послом Александра при дворе Людовика XVIII, переговоры наткнулись на религиозные вопросы и последние оказалось невозможно преодолеть. Но несмотря на этот провал, франко-русские связи укрепились после реставрации монархии во Франции. Конечно, Сто дней возвращения Наполеона нанесли заметный удар этому сближению, но отношения активно возобновились в 1815 г. после Ватерлоо, во время переговоров по второму Парижскому договору; царь снова стремился пощадить Францию и отвести от нее геополитические репрессии, на которых настаивали участники коалиции.

Заключение

Два вояжа, совершенных русскими суверенами в Париж с перерывом почти в столетие, внесли несомненный вклад в пересмотр стереотипов о России, унаследованных от XVI века. С визитом Петра был поколеблен образ тирании и варварства, а после пребывания Александра I в Париже французские элиты вполне искренне приняли идею цивилизованной, естественно и легитимно принадлежащей европейскому менталитету России.

Не трудно заметить и различие в акцентах деконструкции старого европейского мифа о России. Петровское пребывание в «столице мира» сконцентрировало внимание парижан скорее на персоне самого монарха, положив основу формирования новой мифологии о «творце нового европейского народа», удивительно гармонично совпавшей с аналогичным мифотворчеством в самой России. Визит Александра, в силу иной исторической ситуации и несопоставимо более масштабного русского присутствия, в большей степени способствовал изменению представлений о русских как таковых. Во всяком случае, он не повлек за собой создания «александровского мифа»: к русским и России как некой части европейского мира стали привыкать в целом.

Но так или иначе, унаследованные от прошлого стереотипы оказались серьезно поколеблены этими двумя путешествиями, которые, благодаря прямым контактам, заместили прежние клише более благоприятными образами.

В то же время, было бы преувеличением говорить о полной замене образов. Скорее, пребывания русских монархов в Париже породили ситуацию «двойного восприятия»: флуктуации европейского геополитического климата отныне и на долгую перспективу актуализировали то одну, то другую мифологию. Ровные периоды отношений России и Западной Европы стимулировали

«признание общего родства» и вызывали в памяти европейцев (особенно в элитных слоях) положительные образы; ухудшение политической конъюнктуры с неизбежностью выталкивало на поверхность общественного мнения средневековые в своей основе стереотипы о «коварных и опасных варварах» с востока, находя им новые подтверждения.

Показательно, что эти колебания проявили себя уже с начала правления Николая I. Новые негативные образы, порожденные подавлением восстания декабристов 1825 г., а потом – польского восстания 1830 г., популяризированные блистательным и желчным пером маркиза де Кюстина, начали вновь складываться и укреплять новый, на несколько десятилетий, барьер между Францией и Россией.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Примечания:

1. Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier // Ouvrage anonyme Paris: Imprimerie de D'Hautel, 1815. P. 77.
2. Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. P. 80.
3. Lortholary A. Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle. Paris: Vrin, 1951.
4. Malia M. L'Occident et l'énigme russe. Du cavalier de bronze au mausolée de Lénine. Paris: Seuil, 2003; англ. изд.: Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. N. Y.; L.: Belknap Press, 2000.
5. Rey M.-P. Le dilemme russe, la Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002.
6. Surlin L. Histoire ou commentaire des choses mémorables venues depuis 70 ans en ça par toutes les parties du monde, trad française. Paris, 1571. P. 21–22.
7. Pelus M.-L. Un des aspects de la naissance d'une conscience européenne : La Russie vue d'Europe occidentale // La conscience européenne au XVème et au XVIème siècles. Paris : éditions de l'ENSJF, 1982. P. 309–328.
8. Rey M.-P. Le dilemme russe, la Russie et l'Europe d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002. P. 98.
9. Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité : l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris: Institut d'études slaves, 1991.
10. Liechtenhan F.-D. La Russie entre en Europe, Elisabeth Ière et la succession d'Autriche, 1740–1750. Paris: éditions du CNRS, 1997. P. 64.
11. Blanc S. Histoire d'une phobie : le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1986. Vol. 9. № 3–4.
12. Jourdan E. Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. Paris: Printemps 2004.
13. Message de Napoléon, rédigé le 29 janvier 1807 à Varsovie, pour la convocation exceptionnelle du Sénat le 17 février // Correspondance de Napoléon Ier. Vol. 14. № 11722.
14. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. Paris: Chez Fantin, Libraire, Quai des Augustins, 1812.
15. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. P. 461.
16. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. P. 457.
17. Buvat J. Gazette de la Régence, janvier 1715–juin 1719, publiée d'après le manuscrit inédit conservé à la Bibliothèque royale de la Haye, avec des annotations et un index, par le comte E. de Barthélémy. Paris: Charpentier, 1887.
18. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Paris: édit H.L. Delloye, 1840. Vol. VII.
19. Походный журнал 1717 г. СПб., 1855.
20. Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France // Le monde slave. 1932. № 8.
21. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд. Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 2003. 214 с.
22. Chateaubriand, Mémoires d'Outre-tombe. Paris: Acamédia, 1997. part, 2L22, chapitres XII–XIII.
23. Récits d'une tante, mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. Paris: Plon, 1908). Vol.1.

24. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. I. P. 484.
25. Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 34. С. 411–412.
26. Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 34. С. 414–415.
27. Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 50. С. 44–45.
28. Сборник русского императорского исторического общества. Т. 34. С. 426, 432.
29. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 75.
30. Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Т. II. С. 97.
31. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 135.
32. Comte de Tessé, lettre du 19 mai 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 8 (mai – décembre 1717).
33. Рэй М.-П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013. С. 295; фр. изд.: Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009 et 2013).
34. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 1814. Epilogue.
35. Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009. P. 196–203.
36. Buvat J. Le Journal de la Régence, rédigé par Jean Buvat, écrivain de la Bibliothèque du roi, publié à Paris en 1865.
37. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Paris, édit H.L. Delloye, 1840, tome XXVIII, passim.
38. Buvat J. Journal de la Régence, mois de juin.
39. L'influence française en Russie au XVIIIème siècle / Jean-Pierre Poussou, Anne Mézin et Yves Perret-Gentil. Paris: Institut d'Etudes Slaves et Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2004. P. 162.
40. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. P. 211.
41. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. P. 219.
42. Comte de Tessé, lettre du 29 mai 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 8. (mai – décembre 1717).
43. Liboy, lettre des 27 and 28 April 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 7.
44. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 139.
45. Полуденский М. П. Петр Великий в Париже в 1717 г. // Русский архив. 1865. Вып. 5–6. С. 374.
46. Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка императора Петра I с государынею Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 46–47, 57, 59, 60, 66–67, 69, 72.
47. Journal du marquis de Dangeau. Paris, 1959. Vol. 17. P. 108.
48. Guichen E. de. Pierre Le Grand et Le premier traité franco-russe: 1682 à 1717. Paris, 1908. P. 237–238.
49. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 138.
50. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 150.
51. Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1755. М.: Наука, 1995. С. 19.
52. Lortholary A. Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle. P. 20.
53. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд. Саратов, 2003.
54. Сборник русского императорского исторического общества. Т. 52. С. 145.
55. Кросс Э. Английский Петр: Петр Великий глазами британцев XVII–XX вв. СПб.: Европейский дом, 2013. С. 105–106.
56. Редин Д. А. переходные эпохи, власть и дидактика исторического знания: культурно-семиотическое прочтение // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 43–51.
57. Лотман Ю. М. Очерки истории русской культуры XVII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4: XVIII – начало XIX века. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 40.
58. Rey M.-P. Les cosaques dans les yeux des Français à l'heure de la campagne de 1814: contribution à une histoire des images et des représentations en temps de guerre // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 55–68.
59. Chateaubriand F.-R. de. Mémoires d'Outre-tombe, Paris, édition Acamédia, 1997, 3ème Partie, 2L22, chapitre XIII.
60. Simond C. Paris de 1800 à 1900, d'après les estampes et les mémoires du temps. Т. I : 1800–1830, Le Consulat, Le Premier Empire, La Restauration: collection la vie parisienne à travers le XIXème siècle. Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1900. P. 385–386.

References:

1. Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier // Ouvrage anonyme Paris: Imprimerie de D'Hautel, 1815. P. 77.
2. Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. P. 80.
3. Lortholary A. Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle. Paris: Vrin, 1951.
4. Malia M. L'Occident et l'énigme russe. Du cavalier de bronze au mausolée de Lénine. Paris: Seuil, 2003; eng. ed.: Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. N. Y.; L.: Belknap Press, 2000.
5. Rey M.-P. Le dilemme russe, la Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002.
6. Surlin L. Histoire ou commentaire des choses mémorables venues depuis 70 ans en ça par toutes les parties du monde, trad française. Paris, 1571. P. 21–22.
7. Pelus M.-L. Un des aspects de la naissance d'une conscience européenne : La Russie vue d'Europe occidentale // La conscience européenne au XVème et au XVIème siècles. Paris : éditions de l'ENSJF, 1982. P. 309–328.
8. Rey M.-P. Le dilemme russe, la Russie et l'Europe d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002. P. 98.
9. Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité : l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris: Institut d'études slaves, 1991.
10. Liechtenhan F.-D. La Russie entre en Europe, Elisabeth Ière et la succession d'Autriche, 1740–1750. Paris: éditions du CNRS, 1997. P. 64.
11. Blanc S. Histoire d'une phobie : le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1986. Vol. 9. № 3–4.
12. Jourdan E. Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. Paris: Printemps 2004.
13. Message de Napoléon, rédigé le 29 janvier 1807 à Varsovie, pour la convocation exceptionnelle du Sénat le 17 février // Correspondance de Napoléon Ier. Vol. 14. № 11722.
14. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. Paris: Chez Fantin, Libraire, Quai des Augustins, 1812.
15. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. P. 461.
16. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. P. 457.
17. Buvat J. Gazette de la Régence, janvier 1715-juin 1719, publiée d'après le manuscrit inédit conservé à la Bibliothèque royale de la Haye, avec des annotations et un index, par le comte E. de Barthélémy. Paris: Charpentier, 1887.
18. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Paris: édit H.L. Delloye, 1840. Vol. VII.
19. The Campaign Journal 1717. SPb., 1855.
20. Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France // Le monde slave. 1932. № 8.
21. Mezin S. A. The European Vision: French Authors of 18th century on Peter I. 2nd edition. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosuniversiteta, 2003.
22. Chateaubriand, Mémoires d'Outre-tombe. Paris: Acamédia, 1997. Par. 3, 2L22, chapter XII–XIII.
23. Récits d'une tante, mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. Paris: Plon, 1908). Vol.1.
24. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. I. P. 484.
25. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 34. P. 411–412.
26. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 34. P. 414–415.
27. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 50. P. 44–45.
28. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 34. P. 426, 432.
29. Nikiforov L. A. Russian – English Relations under Peter I. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literaturi, 1950. P. 75.
30. Materials for the History of Russian Fleet. SPb., 1865. T. II. P. 97.
31. Nikiforov L. A. Russian – English Relations under Peter I. S. 135.
32. Comte de Tessé, lette du 19 mai 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 8 (mai – décembre 1717).
33. Rey M.-P. Aleksandr I. M.: ROSSPEN, 2013. C. 295; fr. ed.: Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009 et 2013).
34. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 1814. Epilogue.
35. Rey M.-P. Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009. P. 196–203.
36. Buvat J. Le Journal de la Régence, rédigé par Jean Buvat, écrivain de la Bibliothèque du roi, publié à Paris en 1865.

37. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Paris, édit H.L. Delloye, 1840, tome XXVIII, passim.
38. Buvat J. Journal de la Régence, mois de juin.
39. L'influence française en Russie au XVIIIème siècle / Jean-Pierre Poussou, Anne Mézin et Yves Perret-Gentil. Paris: Institut d'Etudes Slaves et Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2004. P. 162.
40. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. P. 211.
41. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. P. 219.
42. Comte de Tessé, lettre du 29 mai 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 8. (main – décembre 1717).
43. Liboy, lettre des 27 and 28 April 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 7.
44. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 139.
45. Poludenskii M. P. Petr Velikii v Parizshe v 1717 g. // Russkii arhiv. 1865. Vip. 5–6. P. 374.
46. The Letters of Russian Monarchs and the Other Persons of Royal Family. Vol. 1: Correspondence of Emperor Peter I with Empress Catherine. M., 1861. P. 46–47, 57, 59, 60, 66–67, 69, 72.
47. Journal of marquis de Dangeau. Paris, 1959. Vol. 17. P. 108.
48. Guichen E. de. Pierre Le Grand et Le premier traité franco-russe: 1682 à 1717. Paris, 1908. P. 237–238.
49. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 138.
50. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 150.
51. Tcherkasov P. P. Two-headed Eagle and the Royal Lilies: the Emergence of Russian – French Relations in 18th century. 1700 – 1755. M.: Nauka, 1995. P. 19.
52. Lortholary A. Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle. P. 20.
53. Mezin S. A. The European Vision: French Authors of 18th century on Peter I. 2nd edition. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosuniversiteta, 2003.
54. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 52. P. 145.
55. Cross A. The English Peter: Peter the Great through the Eyes of British 17th – 20th centuries. SPb.: Evropejskii dom, 2013. P. 105–106.
56. Redin D. A. The Transition Periods, Power and Didactics of Historical Knowledge: Cultural and Semiotic Understanding // Quaestio Rossica. 2013. № 1. P. 43–51.
57. Lotman Y. M. The Essays in Russian History of 17 – early 19th centuries // From the History of Russian Culture. Vol. 4: 18 – early 19th centuries. 2nd edition. M.: Jaziki russkoi kul'turi, 2000. P. 40.
58. Rey M.-P. Les cosaques dans les yeux des Français à l'heure de la campagne de 1814: contribution à une histoire des images et des représentations en temps de guerre // Quaestio Rossica. 2014. № 1. C. 55–68.
59. Chateaubriand, Mémoires d'Outre-tombe. Paris: Acamédia, 1997. Par. 3, 2L22, chapter XIII.
60. Simond C. Paris de 1800 à 1900, d'après les estampes et les mémoires du temps. T. I : 1800-1830, Le Consulat, Le Premier Empire, La Restauration: collection la vie parisienne à travers le XIXème siècle. Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1900. P. 385–386.

УДК 94

Петр I и Александр I: Двойной портрет в европейском интерьере

¹ Дмитрий Алексеевич Редин

² Мари-Пьер Рей

¹ Уральский федеральный университет, Российская Федерация
620075, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Первомайская, 62
Доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России
E-mail: volot@mail.ru

² Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна, Франция
1 rue Victor Cousin, 75005 Paris
Профессор русской и советской истории
Директор Научного центра истории славян

Аннотация. Визиты в Париж двух русских монархов: Петра I весной 1717 г. и Александра I весной 1814 г. стали значительными событиями в истории русско-французских отношений и в

европейской истории в целом. Каждому из них посвящена обширная литература, хорошо исследованы обстоятельства, причины, цели и итоги пребывания царей в столице Франции. Авторы статьи предложили рассмотреть эти вояжи в сравнительно-диахронном ключе, полагая, что при всех различиях культурно-политического контекста такое исследование имеет свой смысл. В статье доказывается, что сходство этих визитов – в тех последствиях, которые они имели в переформатировании стереотипов о России и русских в представлениях французов и шире – в общественном мнении Европы. Формируя осознание России частью общеевропейского пространства, путешествия обоих царей существенно трансформировали восприятие их страны как варварской, тиранической и потенциально опасной для Европы. В то же время авторы заключают, что деконструкция старых стереотипов не привела к их полному изживанию. В результате в европейском общественном мнении сложился феномен «двойного восприятия» России: негативный, восходящий к позднесредневековой традиции, и позитивный, связанный с признанием ее частью современного европейского культурного пространства.

Ключевые слова: Петр I; 1717 г.; Александр I; 1814 г.; Париж; Франция; франко-русские отношения XVIII–XIX вв.; франко-русское восприятие XVIII–XIX вв.; стереотипы; общественное мнение; Европа; европейская цивилизация.